

М. Гардзанити

Университет Флоренции, Флоренция, Италия. marcello.garzaniti@unifi.it

**ИДЕЯ ВОСТОКА И «ПЕРЕДОВОГО БАСТИОНА»
В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ
(Перевод Н. Н. Жуковой)**

Концепция евразийского географического пространства и идея Востока, разработанные в Средние века на основе свидетельств древних авторов в рамках сложной символической системы средиземноморского происхождения, были оспорены свидетельствами из Центрально-Восточной и Восточной Европы. В гуманистических кругах продолжало доминировать географическое видение античного мира, порождая различные мифы о происхождении народов, связанные для Центрально-Восточной Европы с идеей Сарматии, но в то же время обновилась давние средневековые представления, которым был присущ образ «передового бастиона» (лат. *antemurale*), всегда нацеленного на конкретные геополитические вызовы. В великом княжестве Московском сохранялась большая верность средневековой символической системе и обновление ее происходило в антагонизме с мифами и концепциями, созревшими на Западе, с их очевидным стремлением присвоить византийское и киевское наследие.

Ключевые слова: культурная история Центрально-Восточной и Восточной Европы, идея Востока, идея «антемурала»

Предисловие

В Центрально-Восточной и Восточной Европе в период с конца XV по XVI в. сформировались представления о пространстве евразийских степей и России, связанные с идеей Востока (и Севера), что привело к появлению различных концепций европейского географического пространства¹. В то же время современная научная литература по этому вопросу затрагивала очень широкие темы: от создания мифа о Востоке в славянском Средневековье до истории русской колонизации Азиатского континента. Поэтому трудно составить общее представление о предмете как из-за различных концепций, связанных с развитием разных национальных культур, так и из-за обширности и сложности темы. В связи с этим мы представляем лишь несколько размышлений об идее Востока, предлагая несколько ключей на основе уже проведенных нами исследований. В первую очередь, необходимо рассмотреть некоторые основные предпосылки, относящиеся к раннему Средневековью.

1. Становление Руси и расширение европейско-средиземноморского пространства²

В начале X в., в то время как латинское христианство распространилось в западнославянском и скандинавском мире, византийское христианство укоренилось в восточнославянском регионе, в котором утвердилась скандинавская (варяжская) династия, контролирующая территории в районе Балтийского и Черного морей на торговом пути «из варяг в греки». Первая восточнославянская летопись, «Повесть временных лет», в которой центральное место занимает обращение в восточное христианство князя Владимира, вводит историю Руси в пространство христианского мира и переносит на европейский Восток созданное в восточном средиземно-

¹ Мы принимаем различие между Центрально-Восточной Европой и Восточной Европой, которое вошло в обиход современной историографии и полезно для разграничения, прежде всего, западнославянского ареала от восточнославянского и, в более общем смысле, чтобы указать на народы, наиболее близко связанные с Западной Европой (см.: [Halecki]).

² Мы обсуждали эту тему более 20 лет назад в рамках *Settimana di studio del Centro Italiano sull'Alto Medioevo* «Человек и пространство в раннем Средневековье» [Garzaniti 2003a].

морском мире универсальное видение истории, согласно которому она начинается с потопа и разделения народов в эпоху строительства мифической Вавилонской башни (см.: [Водолазкин]).

В Повести расширение христианской эйкумены на Русь, далеко за традиционные пределы древнеримской империи, появляется в виде пророческого возвещения, содержащегося в легенде о путешествии апостола Андрея, описание которого фактически представляет собой первый восточнославянский путевой рассказ. Согласно этой легенде, первозванный апостол, которому приписывается основополагающая роль в константинопольской традиции, в своей миссионерской деятельности направился из Крыма и, поднимаясь по Днепру, достиг возвышающихся на его берегах холмов, на которых позднее был построен город Киев; предвидя его основание, он установил на этих холмах крест. Следуя в обратном направлении по маршруту, по которому путешествовали варяги, апостол отправился в путь по Днепру, а также по Двине, двигаясь на север, и добрался до Новгорода, находившегося неподалеку от Балтийского моря³. Далее он направился в Рим, обогнув атлантическую Европу, как и скандинавские корабли в ту эпоху, прежде чем попасть в Средиземное море.

2. Средневековая концепция пространства в восточнославянском мире

Киевская Русь, которая благодаря династии Рюриковичей контролировала обширные территории, частично раньше принадлежавшие хазарам, стала частью христианской эйкумены, которая, однако, была отмечена все более и более углубляющимся разделением между Римом и Константинополем. Недавно обращенная в христианство, прежде всего благодаря распространению восточного монашества, Русь усвоила культурное мировоззрение, выработанное в Средиземноморье вместе с концепцией пространства, абсолютизирующего направление Восток – Запад, о чем свидетельствуют и славянские термины, используемые для их обозначения: слова *въстокъ* и *западъ* имеют ту же этимологию, что и в классических языках. Эта абсолютизация очевидна в Слове о Законе и Благодати (1054 г.), произнесенном в храме Святой Софии в присутствии князя Ярослава митрополитом Иларионом, в которой он распространил эту ось на северную Европу: «Яже церкви дивна и славна всѣмъ округниимъ странамъ, яко же ина не обращетъ въ всемъ полунощии земнѣмъ ото въстока до запада» [Молдован, с. 97].

Представления христианского Востока о пространстве особенно ярко иллюстрируются в Шестодневах, которые, комментируя короткий пассаж Бытия, посвященный созданию мира, указывают на наследие эллинистической культуры с ее природными и географическими знаниями. Переработка Иоанна Экзарха в славянском языке в начале X в., распространившаяся в монастырских центрах Руси, предлагала традиционное видение эйкумены, в котором суша, окруженная морем, пересекается крупными реками, такими как Инд, Дунай, Рона и Нил. При сотворении мира солнце было помещено на Востоке, а луна – на Западе, и небо было пересечено звездами с Востока на Запад, и они стали символами соответственно восхождения, подъема и воскресения, с одной стороны, и нисхождения, заката и смерти – с другой. В центре земли находились Иерусалим и Палестина, которая в эпоху Византийского царства была преобразована в «Святую землю» благодаря строительству многочисленных святынь, начиная с церкви Анастасиса, недалеко от Голгофы, рядом с которой находился так называемый «пуп земли» (ο ὀμφαλός του κόσμου)⁴.

³ По нашему мнению, этот рассказ, относящийся к 30-м гг. XI в., к эпохе Ярослава Мудрого, имел целью не столько поддержать автокефальные тенденции Киева и культ князя-крестителя, как пишет И. С. Чичуров [Чичуров], сколько подтвердить связи с церковью Константинополя на антилатинской основе. Перед лицом миссий, которые через новообращенное Польское королевство прибывали на Русь по благословению Римского апостольского престола, было крайне важно определить, пусть и пророчески, прямую связь с первыми апостольскими миссиями и традицией раннего византийского епископата. О традиции апостольской деятельности св. Андрея в Константинополе см.: [Vinogradov].

⁴ О реконструкции космологического видения на Руси см.: [Caudano].

На Руси население, недавно обращенное в христианство, восприняло это новое представление о пространстве, в первую очередь, через традицию византийско-славянской литургии, которая принесла с собой укоренение византийской модели, от строительства церквей к перестройке городских пространств, начиная с возведения церковью Святой Софии в Киеве и Новгороде.

Во времена крестовых походов рассказы о паломничествах в Святую землю также играли важную роль. Начиная с XII в. многочисленные паломники пересекали степи и Черное море на пути в Иерусалим, проезжая через Константинополь, чтобы поклониться Анастасису и святыням, которыми изобиловало восточное Средиземноморье. Удачным примером этого на Руси стало «Хождение в Святую землю» игумена Даниила, первое паломническое повествование, составленное после завоевания крестоносцами (1106–1108 гг.), в котором подробно описаны различные этапы и цель путешествия, а также зажжение лампы на камне гроба Господня от имени Руси, означающее принадлежность его земли христианской эйкумене (см.: [Гардзанити 2007]).

В этой концепции мира на Востоке, на крайних границах, находился земной рай, доступ к которому был закрыт для смертных. Дальше на севере обитали варварские народы, в частности Гог и Магог, запертые Александром Македонским у Железных, или Каспийских, ворот, которые будут освобождены перед концом света, когда небесный Иерусалим спустится сверху. Это апокалиптическое видение, созревшее на христианском Востоке, распространилось на Руси со славянской версией Откровения Псевдо-Мефодия, приписываемого Мефодию Олимпийскому, или Патарскому (IV в.). Восточнославянские хроники отождествляли эти народы с татарами, происходившими с Востока, чьи разрушения вошли в историческую память стран Восточной и Центрально-Восточной Европы.

Вероятно, между XII и XIII вв. на Руси начала распространяться «Христианская топография» Космы Индикоплова, написанная на греческом языке и известная на Западе в латинском переводе, в которой на основе строго буквальной библейской экзегезы с применением географических знаний, полученных в путешествиях, предлагалось интерпретировать географическое пространство, основываясь на описании Иерусалимского храма, содержащемся в Книге Левит (см.: [Romoli]). Отвергая идею шарообразности Земли, Косма представил подробную космологию, основанную на Ветхом Завете, которая была широко распространена в восточнославянском ареале благодаря своему возвышенному символизму, гармонично связавшему Священное Писание и места религиозного поклонения с устройством мира. Христианская топография предлагала образ земли, заселенной в основном в центральной части, окруженной океанами, в которой распространение человеческого рода произошло после Потопа, начиная с восточных территорий.

К Арарату причалил Ноев ковчег, приплывший из страны за океаном, где находился земной рай, и представляющий собой истинный Восток. Земли, на которых расселились люди, делятся на Азию, представляющую Восток, Ливию, простирающуюся на юг к Западу, и Европу, простирающуюся на север к Западу. Над ними двигались звезды, в частности солнце, которое, в свою очередь, было скрыто очень высокой горой, расположенной на севере, что создавало чередование дня и ночи. Косма писал: «Восточные и южные области, следовательно, поскольку они ниже, также больше согреваются солнцем; в то время как северные и западные области, так как они выше и дальше от солнца, морозны» [Cosmas Indicopleustès, II, 33]. Это подтверждало тесный союз Востока с Югом и Западом и Севером.

3. Разделение восточнославянского мира: Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское

С восшествием на польский престол литовского князя Ягелло (Июгайлы) и началом его династии (1384 г.) восточнославянский мир, уже разделенный на княжества, воевавшие друг с другом и испытывавшие натиск азиатских кочевых народов, разделился на польско-литовскую область, в которой восточнославянские общины православной традиции оказались под религиозным и культурным давлением латинского мира, и Московскую область, в которой развивался процесс централизации вокруг Великого княжества Московского и в которую переместилась Киевская митрополия. В этом контексте способность не только противостоять, но и взаимодействовать с раздробленным, но все еще очень могущественным Татарским ханством играла основополагающую роль. В русской культурной памяти, сохраняемой Великим княжеством Московским при поддержке митрополии, память о Куликовской битве (1380 г.) приобрела особое значение, о чем говорят различные исторические свидетельства, среди которых «Сказание о Мамаевом побоище» (см.: [Garzaniti 2016]).

Рассматривая события, приведшие к первой победе над татарскими войсками, Сказание предлагает интерпретацию восточнославянского пространства, адаптирующую традиционный взгляд, унаследованный от византийского славянского мира. Когда войско достигло реки Дон, перед великим князем Дмитрием была не только естественная граница, открывающая пространство Руси восточным степям, но и грань, отделяющая христианский мир с городом Москвой и ее «божественным законом» от языческого пространства, Востока, откуда пришел татарский военачальник Мамай, – пространства, в котором не было городов, а только угрожающие и разрушительные силы, напоминающие о конце истории. Мамай – это «царь царей восточных» или «князь, пришедший из восточной страны, по внушению дьявола, языческой веры, идолопоклонник и иконоборец, злой гонитель христиан», который переправился через Волгу, символически войдя в христианскую эйкумену не только для того, чтобы завоевать и уничтожить, как это сделал вначале внук Чингисхана хан Батый, но и для того, чтобы захватить «русские города». Это суровое идеологическое разделение пространства берет свое возможное начало в балканском мире, где православные государства одно за другим разрушались под натиском осман после битвы на Косовом поле (1389 г.).

4. Идея «передового бастиона» и новая Сарматия

Потрясения в балканском мире, отмеченные в конце Средневековья экспансионизмом Османской империи и падением Константинополя (1453 г.), были пережиты с особым драматизмом и оказали глубокое влияние на западный политический и церковный мир того времени, отмеченный распространением гуманизма. Именно церковной и гуманистической среде, связанной с римской курией, мы обязаны разработкой идеи Востока, которая оказала глубокое влияние на Центрально-Восточную и Восточную Европу в XVI в. Эней Сильвий Пикколомини, папский легат в Вене, впоследствии занявший папский престол под именем Пия II, сразу же осознал серьезность потери города на Босфоре для Европы, которую в своем письме Хуану Карвахалу (1453 г.) он определил как «*alterum Europe oculum in manu infidelium*», и, видя османскую экспансию на Балканах, усмотрел в государствах Центрально-Восточной Европы «*antemurale Europae Christianae*», имея в виду прежде всего Венгрию. За несколько дней до избрания на папский престол в своем Слове «*Solent plerique*» он выразился подобным образом, призывая поддержать Венгерское королевство (1455 г.): «*Quocumque tandem modo ad hostes Hungaria deficiat, sive Italiam, sive Germaniam percurrere ac praedari Mahumetus voluerit, in utramque terram patenti porta aditum habet. Murus noster Hungaria est et antemurale fortissimum, sive clipeus nostrae*

religionis, sub quo longo jam aevo protecti sumus. At hic nunc clipeus nobis subtrahitur. Murus noster bombardis et arietibus quatitur, et nos de remedio cura nulla remordet... » [Oration, p. 68].

Насколько стратегически важной была территория Центрально-Восточной Европы, и особенно Дунайский регион, Пикколомини понял уже во время своего пребывания в Вене, о чем свидетельствует его *Historia Bohemica*, первый гуманистический исторический трактат о славянской стране (см.: [Aeneas Silvius Piccolomini]). Польско-Литовское государство находилось в тесных отношениях с Венгерским королевством, с ним сам Пикколомини связывал ту же идею «*antemurale*», о чем свидетельствует польский историк-гуманист Ян Длугош (Лонгин, 1415–1480), иллюстрируя речь нунция Джероламо Ландо, посланного к королю Казимиру II в Краков (1462 г.), чтобы помирить Польско-Литовское государство с Тевтонским орденом для лучшей защиты христианства от татар и активного участия в войне против турок: «*Qui Sabbato subsequenti, audientiam nactus, suo more enarratis obstantiis, et quali, quantoque Papa Pius in Kazimirum Regem et Regnum suum Poloniae, quod Christianitatis scutum sit, et brachio suo illud a Thartaris protegendo, censeatur christianae fidei murus et antemurale, feratur affectione et amore, disserens, ad tria se principaliter commemoravit missum: ad pacificandam Cracoviensem ecclesiam, ad bellum Pruthenicum intercipiendum, ad animandum Regem in bellum Turco inferendum*»⁵.

В этом поясе безопасности, который должен был защитить западный мир от османской экспансии, ключевую роль играли и хорватские земли, королевство которых было уделом венгерской короны. Ее армии упорно противостояли султану в эпических сражениях, начиная с битвы при Крбаве (1493 г.) и заканчивая знаменитой осадой Сигетвара (Сигет, 1566 г.). Папа Лев X Медичи в письме бану и хорватскому епископу Петару Бериславичу назвал хорватский народ: «*Scutum saldissimum et antemurale Christianitatis*» (1514 г.), именно за их сопротивление османскому нашествию. Эта идея «передового бастиона» (лат. *antemurale*) представляет собой основополагающий ключ к интерпретации пространства Центрально-Восточной Европы по отношению к Западной Европе и вдохновила на создание широкого круга литературы, направленной на консолидацию правителей и династий, преодоление разногласий и внутренних конфликтов, чтобы противостоять османской экспансии. Эти труды внесли решающий вклад в создание образа турка на Западе (см.: [Dukić]).

Однако следует подчеркнуть, что в Риме и Кракове, по крайней мере в первые десятилетия XVI в., сложились две разные идеи «*antemurale*» и противостояния османам. Рим стремился привлечь Москву к участию в антитурецком крестовом походе, пытаясь примирить христианские государства, в то время как Польско-Литовское государство, следуя духу постоянного разделения христианского мира, распространило идею «*antemurale*» для противодействия Великому княжеству Московскому. Укрепление Великого княжества Литовского и его полное господство над наследством Древней Руси могли позволить династии Ягеллонов возобновить древний варяжский контроль над территорией от Балтики до Черного моря (*от моря до моря*), который казался достижимым после победы короля Сигизмунда под Оршей (1514 г.). Именно в этом контексте следует читать «Трактат о двух Сарматиях, Европейской и Азиатской, и о находящемся в них» (*Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europeana et de contentis in eis*, 1517 г.) придворного врача, историка и космографа, а также ректора Краковского университета Матвея Меховского. Он был посвящен Боне Сфорца, королеве Польши, и впоследствии переложен на несколько языков, среди переводов следует упомянуть первую итальянскую версию (Венеция, 1561 г.)⁶.

⁵ Обзор см.: [Tazbir; Srodecki].

⁶ См. издание и русский перевод трактата под редакцией С. А. Аннинского [Меховский], а также обширное исследование С. Метана об изданиях и переводах трактата и его рецепции [Metan]. Интерпретацию в контексте истории «польского сарматизма» см.: [Ulewicz], а также: [Piechocki].

Если в Далмации поиски древних корней привели к признанию происхождения хорватов от латинизированных иллирийских народов, то польская историографии уже в XV в. увидела своих предков в сарматах, кочевом народе, который завоевал степи Восточной Европы, отобрав их у скифов; тем самым был обеспечен идеальный ориентир для польской знати, занятой борьбой с османской и татарской экспансией, а также войнами с Москвой за контроль над обширными и полиэтничными восточными землями Великого княжества Литовского, которые в польской культуре получили название «кресы». Таким образом, образ рыцаря-катафракта, властвующего в степях, упомянутый еще Геродотом, слился с мифом о средневековом рыцарстве.

Вслед за этой интерпретацией польский гуманист, путешествовавший по Италии и Далмации, углубил свои знания античной географии, особенно Птолемея, и принял его формулировку Сарматии, разделенную на «азиатскую» и «европейскую» части, признав между ними границу по реке Дон, которая разделяла пространство евразийских степей. Иллюстрируя обширные восточные просторы Великого княжества Московского, Матвей Меховский, хоть и включил рутенов, литовцев и московитов в Европейскую Сарматия, подчеркивал евразийскую природу Московского княжества, фактически положив начало азиатской интерпретации русского пространства⁷. Эта концепция открывала путь к превращению «*antemurale Christianitatis*» в «антемурал» Запада, в эволюции которого не последнюю роль сыграл процесс конфессионализации, начинавший развиваться в то время в Европе.

5. Русское пространство

Уже во второй половине XV в. папская политика также стремилась привлечь в коалицию против турок Великое княжество Московское, которое несколькими десятилетиями ранее отвергло унию, заключенную на Ферраро-Флорентийском соборе (1439 г.). Это был первый официальный контакт с западным миром, когда большая и авторитетная делегация пересекла Альпы, которые воспринимались как часть непрерывной горной цепи, так называемого «Земного пояса», простирающегося от Адриатического моря («Белого моря») до Черного моря (см.: [Garzaniti 2003b]).

Греческий кардинал Виссарион, участвовавший в Ферраро-Флорентийском соборе, в конце жизни способствовал браку последнего потомка византийского императорского рода Зои Палеолог с великим князем Иваном III (1472 г.). Этот брак, хотя и не смог подвинуть Москву против турок, открыл путь для новых, более интенсивных отношений с Западом. Со времен Виссариона и принцессы Зои Палеолог греческая диаспора, проживавшая в Италии, играла основополагающую роль в России в конце XV – начале XVI в. Эта диаспора была связана с итальянскими гуманистическими кругами и стала опорой русской дипломатии, используя свой опыт и знания для формирования образа России и ее пространства. Считаю наиболее значительным представителем этой диаспоры Максима Грека, даже если афонский монах приехал в Россию не прямо из Италии (см.: [Garzaniti 2024]).

В год, когда в Москву прибыл Максим Грек (1518 г.), папская политика, начатая еще при Виссарионе, была возобновлена. Во времена пап Медичи состоялась миссия доминиканца Николая фон Шенберга, отправленного Львом X при поддержке Тевтонского ордена, за которой затем последовали послы Климента VII (см.: [Гардзанити 2019]). В форме письма, адресованного этому папе, Альберт Пигг написал трактат «О Московии» (*De Moscovia*, 1523), а Паоло Чентурионе, заинтересованный в поиске нового пути на Восток через Московию, привез с собой краткое послание Климента VII к великому князю Василию III (1525 г.). Возвращаясь из России, Чентурионе сопровождал миссию великого князя, возглавляемую Дмитрием Герасимовым.

⁷ Обзор см.: [Klug].

Павел Йовий сообщает о ней в «Книге о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» (*Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum*, 1525), заказанной непосредственно папой. На основании указаний посла Йовий составил карту Восточной Европы, в частности России, которая была приложена к его работе (см.: [Кудрявцев 2015; Кудрявцев 2017; Кудрявцев 2020]). Однако международная политическая ситуация радикально изменилась после серьезного поражения при Мохаче (1526 г.), ознаменовавшего завоевание османами Венгерского королевства, и разграбления Рима (1527 г.).

В любом случае, политика папского престола наталкивалась на серьезные препятствия и со стороны России, которая опасалась угрозы, исходящей от Крымского ханства, союзного с Оттоманской Портой, и которая продолжала находиться в более или менее постоянном состоянии военного противостояния с Польско-Литовским государством из-за споров о древнерусском наследстве. Тем временем началось расширение русского царства в сторону Азии, важной вехой в этом процессе стало завоевание Казанского (1552 г.) и Астраханского (1554 г.) ханств в правление Ивана Грозного. Это было увековечено не только в русских летописях того времени, но и в иконе, которая использует традиционную символику для создания нового, интересного сюжета, иллюстрирующего концепцию пространства Востока в Москве во второй половине XVI в. (см.: [Кочетков; Rowland]).

Эта икона, название которой «Благословенно воинство Небесного Царя», изображает возвращение победоносного войска царя Ивана Грозного после завоевания Казани. Икона не следует традиционным канонам, но вдохновляется образами из Книги Даниила, Откровения и литургических текстов. В сфере вверху, справа от зрителя, изображен город Казань, в пламени, а слева – другой образ: покрытая деревьями гора, на вершине которой находится собор с тронном, на котором восседает Богоматерь с младенцем, раздающим через ангелов венцы мученичества. Войско, в котором узнается царь, несущий крест, подобно Константину, возглавляемое архангелом Михаилом верхом на крылатом коне, движется с Востока на Запад, где находится город Москва. В этой пространственной перспективе следовало бы интерпретировать ту же идею Третьего Рима, которой мы посвятили работу в прошлом и которая основана на понятии, что «Рим – это весь мир» (см.: [Гардзанити 2014, с. 121–158]).

6. Вопрос о Рифейских, или Гиперборейских, горах

В построении географического пространства Востока в Новом времени остается рассмотреть дискуссию по поводу древнего представления о высоких горах, которые доминировали в Северной Европе, а именно цепь Рифейских гор (или Рифеев, греч. *Ῥίταια* или *Ῥίταια ὄρη*; лат. *Rhipaei* или *Ripaei*), или Гиперборейских, поскольку здесь была резиденция Борея, родина гиперборейцев, возлюбленных Аполлона, которые часто рассматриваются в связи с истоками Дуная (и других восточноевропейских рек) и со Скифией. О них уже сообщал Птолемей, и они приводятся в описании Космы Индикоплова, объясняя суровые погодные условия северных земель в соответствии с концепцией плоской Земли. В этом смысле пространство Северной Европы могло отождествляться с мифической страной гипербореев. И поэтому сам Максим Грек к концу жизни (в 1552 г.) иронически называл себя «гиперборейцем из Эллады» [Максим Грек, с. 421].

Хотя сомнения в их существовании возникли уже в Античности, начиная со Страбона и его «Географии», которую, хочу напомнить, Максим Грек скопировал еще во Флоренции, первым в Новое время спор о Рифейских горах, кажется, открыл сам Матвей Меховский. Он отрицал их наличие, критикуя, хотя и с опаской, авторитет древних и опираясь на свои знания о Северной Европе [Меховский, с. 163]. Ему вторил и Альберт Пигг, но особенно Йовий, основываясь на

данных польского космографа, но, возможно, и на свидетельствах Герасимова (см.: [Кудрявцев 2015; Кудрявцев 2017; Melani])⁸. С исчезновением этого горного массива, на севере обозначавшего границу с Азией, уже ко времени Петра I пришлось довольствоваться определением северной границы между Европой и Азией по Уральскому хребту, который носил древнее название «Земной пояс» (см.: [Bassin 1991]).

Заключение

Концепция евразийского географического пространства и идея Востока, разработанные в Средние века на основе свидетельств древних авторов в рамках сложной символической системы средиземноморского происхождения, были, таким образом, оспорены свидетельствами из Центрально-Восточной и Восточной Европы. В гуманистических кругах продолжали доминировать географические концепции Античности, порождая различные мифы о происхождении народов, особенно в отношении Центральной и Восточной Европы, воспринявшей идею Сарматии, но при этом обновились давние средневековые представления, связанные с образом «передового бастиона», всегда нацеленного на конкретные геополитические вызовы. В великом княжестве Московском сохранялась большая преданность средневековой символической системе, и обновление ее происходило с очевидным стремлением присвоить византийское и киевское наследие в антагонизме с мифами и концепциями, созревавшими на Западе.

В обоих случаях была предпринята попытка удовлетворить необходимость обозначить границу между Европой и Азией, между Западом и Востоком, между цивилизацией и варварством, что имело глубокие последствия на культурном уровне, ставя проблему Иного. В отличие от открытия Нового Света, где было проще показать различие Америки и европейского континента, а также инаковость нового континента, граница между Европой и Азией поставила вопрос о евразийском пространстве и о наследии славяно-византийского мира по отношению к западной культуре – тема, которая остается актуальной и по сей день.

Источники

- Максим Грек – *Преподобный Максим Грек. Сочинения* / Ред. Н. В. Сеницына. М., 2014. Т. 2. 435 с.
Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского; [Предисл.: Б. Греков]. М.; Л., 1936. XI, 288 с.
Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. 238 с.
Aeneas Silvius Piccolomini. Historia Bohemica / Ed. J. Hejnic, H. Rothe. Köln; Weimar; Wien, 2005. 376 p.
Cosmas Indicopleustès. Topographie Chrétienne / Introd., texte critique, ill., trad, et notes par W. Wolska-Conus. Paris, 1973. Т. 3. 486 p.
Oration – Oration “Solent plerique” of Enea Silvio Piccolomini (13 August 1455, Rome) / Ed. and trans. by Michael von Cotta-Schönberg. 5th version. S.l., 2019. (Orations of Enea Silvio Piccolomini / Pope Pius II; 26). 67 p.

Литература

- Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и параллельного повествования XI–XV вв.)*. СПб., 2008. 493 с., [4] л. цв. ил., факс.
Гардзанини М. У истоков паломнической литературы древней Руси: «Хождение» игумена Даниила в Святую землю // «Хождение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII века / Под. ред. Г. М. Прохорова. СПб., 2007. С. 270–338.
Гардзанини М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. 230 с.

⁸ О карте Йовия, составленной на основе рассказов Дмитрия Герасимова, недавно выявленной в Москве (1993 г.) и совпадающей с картой, созданной Баттистой Аньезе, см.: [Кудрявцев 2020].

- Гардзанити М. Прибытие Максима Грека в Москву (1518) и международная дипломатическая обстановка // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 57–72.
- Кочетков И. А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая»: «Благословенно воинство небесного царя» // ТОДРА. Л., 1985. Т. 38. С. 185–209.
- Кудрявцев О. Ф. Спасти, чтобы спастись. Московитский проект Альберта Кампенского // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 14–35.
- Кудрявцев О. Ф. Русский книжник Дмитрий Герасимов и его рассказ о своей стране в интерпретации итальянского гуманиста Павла Йовия (1525 г.) // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 110–117.
- Кудрявцев О. Ф. Неизвестной страны чертеж: первые европейские карты Московии (1525 г.) // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 1. С. 7–22. DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-7-22
- Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской литературной традиции // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Proceedings of the International Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity (Thessaloniki 26–28 November 1988). Thessaloniki, 1992. С. 195–213.
- Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 1–17.
- Caudano A.-L. 'Let There Be Lights in the Firmament of Heaven': Cosmological Depictions in Early Rus. Cambridge (Mass.), 2006. 306 p.
- Dukić D. Sultanova djeca – predodžbe Turaka u hrvatskoj književnosti ranog novovjekovlja. Zadar, 2004. 291 s.
- Garzaniti M. Alle radici della concezione dello spazio nel mondo bizantino-slavo (IX–XI sec.) // Uomo e spazio nell'Alto Medioevo (4–8 aprile 2002. Settimane di studio del Centro Italiano sull'Alto Medioevo. L). Spoleto, 2003. P. 657–707. [Garzaniti 2003a]
- Garzaniti M. Il viaggio al Concilio di Firenze. La prima testimonianza di un viaggiatore russo in Occidente // Itineraria. 2003. Vol. 2. P. 173–199. [Garzaniti 2003b]
- Garzaniti M. Le origini medievali della «santa Russia». La commemorazione della battaglia di Kulikovo (1380) nella Narrazione del massacro di Mamaj // Reti Medievali Rivista. 2016. Vol. 17. No. 1. P. 1–36.
- Garzaniti M. La diaspora greca nelle relazioni fra penisola italiana, Balcani ottomani e Russia fra la fine del XV e l'inizio del XVI sec. // Cristiani orientali e Repubblica delle Lettere (XVI–XVIII sec.). Firenze, 2024 (в печати).
- Halecki O. Borderlands of Western Civilization: A History of East Central Europe. New York, 1952. 503 p.
- Klug E. Das „asiatische“ Russland: über die Entstehung eines europäischen Vorurteils // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 245. S. 265–289.
- Melani I. «Venire a unirsi con esso noi nelle cose della fede». Un vescovo, un Papa, un ambasciatore e «un re di nome non finto». La Moscovia di Paolo Giovio e la sua tradizione ramusiana // Paradigmi dello sguardo. Percezioni, descrizioni, costruzioni e ricostruzioni della Moscovia tra medioevo ed età moderna (uomini, merci e culture). Viterbo, 2011. P. 67–186.
- Metan S. Wissen über das östliche Europa im Transfer. Edition, Übersetzung und Rezeption des „Tractatus de duabus Sarmatiis“ (1517). Köln, 2019. 316 S.
- Piechocki K. N. Discovering Eastern Europe: Cartography and Translation in Maciej Miechowita's Tractatus de Duabus Sarmatiis (1517) // Polish Culture in the Renaissance. Firenze, 2013. P. 53–79.
- Romoli F. 'Kniga naricaema Koz'ma Indikoplov': la 'Topografia cristiana' in area slava: problemi di tradizione del testo // Literaturwissenschaftliches Jahrbuch. 2012. Bd. 53. S. 9–78.
- Rowland D. Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia. The Blessed Host of the Heavenly Tsar // Medieval Russian Culture. Los Angeles; London, 1994. P. 182–212.
- Srodecki P. Antemurale Christianitatis: Zur Genese der Bollwerksrhetorik im östlichen Mitteleuropa an der Schwelle vom Mittelalter zur Frühen Neuzeit. Husum, 2015. 532 S.
- Tazbir J. Poland as the Rampart of Christian Europe: Myths and Historical Reality. Warszawa, 1983. 170 p.
- Ulewicz T. Sarmacja. Zagadnienie sarmatyzmu. Kraków, 2006. 268 s.
- Vinogradov A. André: du prédicateur encratite à l'apôtre byzantin // Apocrypha. 2011. Vol. 22. P. 105–114.

References

- Bassin, M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space. In *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 1. Pp. 1–17.
- Caudano, A.-L. 'Let There Be Lights in the Firmament of Heaven': Cosmological Depictions in Early Rus. Cambridge (Mass.), 2006. 306 p.
- Chichurov, I. S. "Khozhdenie apostola Andrey'a" v vizantiiskoi i drevnerusskoi literaturnoi traditsii. In *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Proceedings of the International Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity (Thessaloniki 26–28 November 1988)*. Thessaloniki, 1992. Pp. 195–213. (In Russ.)
- Dukić, D. Sultanova djeca – predodžbe Turaka u hrvatskoj književnosti ranog novovjekovlja. Zadar, 2004. 291 s.
- Garzaniti, M. Alle radici della concezione dello spazio nel mondo bizantino-slavo (IX–XI sec.). In *Uomo e spazio nell'Alto Medioevo (4–8 aprile 2002. Settimane di studio del Centro Italiano sull'Alto Medioevo. L)*. Spoleto, 2003. Pp. 657–707.
- Garzaniti, M. Il viaggio al Concilio di Firenze. La prima testimonianza di un viaggiatore russo in Occidente. In *Itineraria*. 2003. Vol. 2. Pp. 173–199.
- Garzaniti, M. U istokov palomnicheskoj literatury drevnei Rusi: "Khozhenie" igumena Daniila v Svyatuyu zemlyu. In *"Khozhenie" igumena Daniila v Svyatuyu zemlyu v nachale XII veka*. Ed. G. M. Prokhorov. Saint Petersburg, 2007. Pp. 270–338. (In Russ.)
- Garzaniti, M. Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavyanskoi knizhnosti. Moscow, 2014. 230 p. (In Russ.)
- Garzaniti, M. Le origini medievali della "santa Russia". La commemorazione della battaglia di Kulikovo (1380) nella Narrazione del massacro di Mamaj. In *Reti Medievali Rivista*. 2016. Vol. 17. No. 1. Pp. 1–36.
- Garzaniti, M. Pribytie Maksima Greka v Moskvu (1518) i mezhdunarodnaya diplomaticheskaya obstanovka. In *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileinyi sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*. Moscow, 2019. Pp. 57–72. (In Russ.)
- Garzaniti, M. La diaspora greca nelle relazioni fra penisola italiana, Balcani ottomani e Russia fra la fine del XV e l'inizio del XVI sec. In *Cristiani orientali e Repubblica delle Lettere (XVI–XVIII sec.)*. Firenze, 2024 (in print).
- Halecki, O. Borderlands of Western Civilization: A History of East Central Europe. New York, 1952. 503 p.
- Klug, E. Das „asiatische“ Russland: über die Entstehung eines europäischen Vorurteils. In *Historische Zeitschrift*. 1987. Bd. 245. S. 265–289.
- Kochetkov, I. A. K istolkovaniyu ikony "Tserkov' voinstvuyushchaya": "Blagoslovenno voinstvo nebesnogo tsarya". In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1985. Vol. 38. Pp. 185–209. (In Russ.)
- Kudryavtsev, O. F. Spasti, chtoby spastis'. Moskovitskii proekt Al'berta Kampenskogo. In *Novaya i noveishaya istoriya*. 2015. No. 6. Pp. 14–35. (In Russ.)
- Kudryavtsev, O. F. Russkii knizhnik Dmitrii Gerasimov i ego rasskaz o svoei strane v interpretatsii ital'yanskogo gumanista Pavla Ioviya (1525 g.). In *Novaya i noveishaya istoriya*. 2017. No. 6. Pp. 110–117. (In Russ.)
- Kudryavtsev, O. F. Nevedomoi strany chertezh: pervye evropeiskie karty Moskovii (1525 g.). In *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 7–22. DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-7-22 (In Russ.)
- Melani, I. «Venire a unirsi con esso noi nelle cose della fede». Un vescovo, un Papa, un ambasciatore e «un re di nome non finto». La Moscovia di Paolo Giovio e la sua tradizione ramusiana. In *Paradigmi dello sguardo. Percezioni, descrizioni, costruzioni e ricostruzioni della Moscovia tra medioevo ed età moderna (uomini, merci e culture)*. Viterbo, 2011. Pp. 67–186.
- Metan, S. Wissen über das östliche Europa im Transfer. Edition, Übersetzung und Rezeption des „Tractatus de duabus Sarmatiis“ (1517). Köln, 2019. 316 S.
- Piechocki, K. N. Discovering Eastern Europe: Cartography and Translation in Maciej Miechowita's Tractatus de Duabus Sarmatiis (1517). In *Polish Culture in the Renaissance*. Firenze, 2013. Pp. 53–79.
- Romoli, F. 'Kniga naricaema Koz'ma Indikoplov': la 'Topografia cristiana' in area slava: problemi di tradizione del testo. In *Literaturwissenschaftliches Jahrbuch*. 2012. Bd. 53. S. 9–78.
- Rowland, D. Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia. The Blessed Host of the Heavenly Tsar. In *Medieval Russian Culture*. Los Angeles; London, 1994. Pp. 182–212.
- Srodecki, P. Antemurale Christianitatis: Zur Genese der Bollwerksrhetorik im östlichen Mitteleuropa an der Schwelle vom Mittelalter zur Frühen Neuzeit. Husum, 2015. 532 S.
- Tazbir, J. Poland as the Rampart of Christian Europe: Myths and Historical Reality. Warszawa, 1983. 170 p.

Ulewicz, T. Sarmacja. Zagadnienie sarmatyzmu. Kraków, 2006. 268 s.

Vinogradov, A. André: du prédicateur encratite à l'apôtre byzantine. In *Apocrypha*. 2011. Vol. 22. Pp. 105–114.

Vodolazkin, E. G. Vsemirnaya istoriya v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povestvovaniya XI–XV vv.). Saint Petersburg, 2008. 493 p., [4] l. of coloured il., facs. (In Russ.)

Marcello Garzaniti
University of Florence, Florence, Italy

THE IDEA OF THE ORIENT AND THE “ANTEMURAL”
IN CENTRAL-EASTERN AND EASTERN EUROPE IN THE EARLY MODERN PERIOD

The concept of Eurasian geographical space and the idea of Orient, developed in the Middle Ages based on the evidence of ancient authors within a complex symbolic system of Christian origin, were thus challenged by evidence from Central-Eastern and Eastern Europe. In humanist circles, the geographical vision of the ancient world continued to influence, giving rise to various mythologies about the origin of peoples, especially for Central-Eastern Europe with the idea of Sarmatia, but at the same time the ancient medieval conceptions were renewed, with the image of the “antemural”, always aimed at specific geopolitical concepts. In the Grand Principality of Moscow, there remained a great fidelity to the medieval symbolic system and its renewal took place in antagonism with the mythologies and concepts that were maturing in the West, with an obvious desire to appropriate the Byzantine and Kievan heritage.

Keywords: cultural history of Central-Eastern and Eastern Europe, the idea of the East, the idea of the “antemural”

